

Валдемар Люфт

Время расплаты

Соседка позвонила в дверь сразу после моего прихода домой. Видимо, она заметила, когда я на машине подъезжал к гаражу. Наши дома стояли недалеко друг от друга. Строили мы их одновременно. Правда, соседи заселились намного раньше, чем я с семьёй. Оно и понятно, внутреннюю отделку нашего дома мы с женой делали сами, поэтому строительство дома затянулось почти на полтора года. А соседи, скорее всего, заказали дом строительной фирме под ключ, и им не пришлось что-то доделывать. Как только поступила и была смонтирована мебель, они сразу же заехали в новый дом. Только вот счастья он им не принёс. Две недели назад хозяина дома похоронили. Близко с ним я не был знаком. Так, здоровались наспех при редких встречах, перекидывались двумя-тремя фразами и разбегались по своим делам. Да и видел я его крайне редко. Поэтому помнил не очень чётко. Он был незаметным на вид. Худой, небольшого роста, пронзительные, глубоко сидящие глаза, ленинская лысина — таким он мне запомнился.

В своём доме всегда есть, что делать. Траву на газонах скосить, дрова для камина сложить под

навесом, цветы полить, убрать мусор и старые листья с водосточной шахты, где подкрасить, где подправить. Было бы желание. Но у соседа через дорогу цветами занималась только жена, навеса для дров у него не было, траву косить и стричь живую изгородь приходили работники со стороны. Он и дома-то бывал редко. Иногда приезжал на своём крутом «Мерседесе», не спеша выходил из него и важной походкой шёл в дом. Глядя на его надменный вид, на его шикарную и модную одежду, на его дорогую машину, не больно-то хотелось с ним знакомиться. Сосед тоже ни с кем не заводил знакомств. Поэтому никто и не знал, чем он занимается, откуда у него такой хороший доход. Смерть его была странной и загадочной. Мне сосед из дома рядом, который знал всё обо всех и любил делиться своими сплетнями, с загадочным видом рассказал, что умершего нашли где-то за городом с простреленной головой и с пистолетом в руках. Он убил себя, но по какой причине — никто так и не узнал. Две недели после похорон маркизы на окнах дома были опущены и казалось, что там никого нет. И вот теперь передо мной стояла соседка, вдова покойного. Она поздоровалась и спросила разрешения войти.

— Конечно же, проходите в зал, — сказал я и добавил: — примите мои самые искренние соболезнования по случаю смерти вашего мужа.

На мои слова она ничего не ответила, только слегка кивнула, как-будто от чего-то ненужного и надоевшего отмахиваясь. Прожив почти два года рядом, я её толком не знал и видел мало. Так бывает: знаешь вроде бы человека, видел его пару раз, а лица вспомнить не можешь. В памяти остаётся какое-то расплывчатое не резкое изображение лица, которое видел только издалека и запомнить не успел. Теперь я обнаружил, что соседка была возрастом не старше тридцати лет, молода и красива. Обрушившееся на неё внезапное горе оставило свой отпечаток на ней. Она была молода, но усталость и безразличие придавало её лицу безликость и неопределённость. Я видел уже немало людей, которых горе старило на десятки лет. Хорошо, если эти люди находили в себе силы выйти из этой ямы. Тогда их лица снова приобретали выражение, присущее тому возрасту, в котором они находились, но беда, если человек так и не находил в себе силы забыть о своём горе. Тогда он старел на глазах. Тяжело было смотреть на этого надломленного горем человека. И слова участия, и уместные и неуместные советы, и попытки увлечь и отвлечь их чем-то — ни к чему не приводили. Женщина, пришедшая ко мне неожиданно в гости, находилась в трауре. Смерть мужа явно выбила её из колеи. Возможно, это было даже и не горе, а растерянность. Она перестала

следить за своей внешностью. На ней была надета шерстяная юбка и на плечи накинут толстый пуловер, которые в такое тёплое время были совершенно не к месту. Волосы были небрежно зачёсаны назад и стянуты простой резинкой. На ногах обуты домашние тапочки, в которых она, очевидно, шлёпала по дому. Но даже небрежно одетая и придавленная горем, её фигура притягивала взгляд и напоминала изящных манекенщиц, мелькавших без конца на экранах телевизоров.

Женщина прошла в зал и без приглашения села на стул. Я остановился рядом и вопросительно смотрел на неё. Она отвела взгляд, наклонила голову вниз и тихо заговорила.

— Вы знаете, что я похоронила своего мужа? Сегодня из полиции получила заключение. Дело закрыли. Они сделали вывод, что он себя сам убил из пистолета. Я в это не верю.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил я.

— Не знаю. Возможно, его убили, — сказала она неуверенно, — ведь должна же быть какая-то причина.

Наступила тягостная пауза. Многие мои соседи знали, что я работаю в детективном агентстве. Некоторые знают и то, что когда-то у меня было своё частное сыскное бюро, которое я несколько лет назад из-за финансовых трудностей

закрыл.

После продолжительной паузы, которую я сам боялся прервать, заговорила снова женщина. Она подняла глаза и, в упор глядя на меня, сказала:

— Я не верю, что он покончил с собой. Полиции легче закрыть дело, меньше хлопот. Но я хочу знать правду.

Она говорила теперь быстро и громко, чуть ли не крича. Заглянула в комнату жена. Я махнул рукой, давая понять, что ничего не случилось.

— Конечно, спорить с полицией бесполезно. Мне важно знать. Если он сам убил себя — то почему? Если его убили — то за что? Найдите правду. Эдик, найдите правду!

Странно, откуда она узнала моё имя? Не помню, чтобы я с ней знакомился. Я, к примеру, не знал ни её имени, ни её фамилии. Наверное, она навела у кого-то справки обо мне.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Лена, — с некоторым удивлением в голосе ответила она.

— Так вот, Лена, я уже давно не занимаюсь частным сыском. Я даже забыл, куда закинул лицензию на право заниматься детективной практикой. В городе есть достаточно контор, которые с удовольствием возьмутся за исполнение вашего заказа.

Она недовольно отмахнулась рукой.

— Да не хочу я, чтобы этим делом занимались немцы. Я хочу, чтобы этим делом занимались вы — умеющий говорить по-русски.

— Почему? Можете объяснить?

Она отвернулась к окну и задумалась. Видно было, что в её душе идёт тайная борьба.

— Есть причины, из-за которых я не хотела бы обращаться в частное сыскное бюро.

— Не могу я ваш заказ принять. Работаю. И, честно говоря, не хочу этим делом заниматься.

— А если я вам хорошо заплачу? Я готова сейчас как аванс заплатить 10 тысяч евро, и потом, когда вы мне дадите полную информацию, что произошло с моим мужем на самом деле, получите ещё 10 тысяч.

Я не верил своим ушам. Разумеется, её заказ столько не стоил. Самое многое, в настоящем детективном бюро она бы заплатила тысячи три — четыре, ну, может быть, ещё с учетом непредвиденных расходов тысячу больше. Но двадцать тысяч эта работа не стоила. И эта цифра наводила на серьёзные размышления. Или эта женщина, сидевшая напротив меня, глупа и ей всё равно, сколько отвалить незнакомому человеку за свой каприз, или она действительно знает, в какую сумму выльется исполнение её заказа. Второй вариант наводит на догадку, что, возможно, заказ связан с каким-то риском. А риск мне ни к чему. Я

уже не раз попадал в переделки и не хотел бы ещё раз испытывать свою судьбу. Из рискованных ситуаций до сих пор выходил без особых последствий. Но когда-нибудь везение кончится, и я могу запросто вляпаться в неприятную историю. Если же женщина действительно просто глупа и ей всё равно, сколько платить за выполнение её каприза, то в этом случае стоило бы задуматься. Денежный аргумент был всегда главным в принятии того или иного предложения. А деньги мне ой как нужны были. Двадцать тысяч — хорошая сумма. Хватило бы частично оплатить кредит за дом и тысяч пять можно отложить на хороший отпуск у моря.

Все эти мысли за считанные секунды промелькнули в моём мозгу. Женщина ждала ответа, но сразу, в сию минуту, я не мог ей ответить. Мне надо всё сначала взвесить.

— Елена, я, действительно, не могу вашим делом заниматься. Для этого нужно время, его у меня как раз таки и нет. На работе меня так просто не отпустят. Из положенного отпуска осталось всего 12 дней, и они запланированы для поездки к морю. У нас с женой уже и путёвки заказаны на конец августа.

— Возьмите отпуск без содержания. Я возмещу вам потерю зарплаты. Решайтесь, Эдик.

Нет, это невозможно, она согласна на любые

условия. И ей почему-то очень важно, чтобы именно я занимался её делом. Кто-то, видно, хорошо просветил эту даму насчёт меня.

— Ладно, Елена, давайте договоримся так: я подумаю, и завтра вечером в это же время приду к вам домой с окончательным ответом.

Она встала и пошла к выходу. У дверей остановилась и, повернувшись ко мне, сказала:

— Эдик, я надеюсь на вашу помощь. Такие деньги, которые я плачу, вам никто больше не предложит. Мне очень хочется знать правду, и, я уверена, только вы можете её найти.

Она не стала ждать моего ответа и вышла на улицу. Я не торопился закрывать за нею дверь. Женщина неторопливо вышла на тротуар, перешла улицу, свернула к своему дому и исчезла за дверями. В её походке чувствовалась потерянности и придавленность. Какой-то тяжёлый груз давил на неё. Может быть, это было связано с безвременной смертью её мужа, но, может быть, на неё давило что-то другое, что было, возможно, страшнее смерти её мужа.

За ужином жена спросила, зачем приходила соседка. Я рассказал о предложении женщины.

— Нужно тебе это, Эдик? — спросила жена и, немного подумав, добавила: — Конечно, деньги, которые она готова заплатить, хорошие, они бы нам не помешали, но у тебя же работа.

— Ты знаешь её? — не отвечая на вопрос, спросил я.

— Нет. С ней я не знакома. Бригита, — она живёт в доме по соседству с ней, — кое-что рассказывала. Ты же знаешь, я не большая охотница до сплетен и слухов, но всё равно многое из того, что Бригита рассказывала, запомнила.

— И что она рассказывала?

— Ну, например, о том, что муж приходившей сюда женщины почти не бывал дома, а когда приезжал, то они часто ругались. Детей у них нет. Где он работал — никто не знает. Но живут они богато.

— Откуда ты знаешь, что они богаты?

— Это и так ясно. Она нигде не работает, но ты видел на каком «Мерседесе» он домой приезжал и какая у неё новая машина. Наверное, и на счету кругленькая сумма лежит. Всё ей, вдове, достанется.

— Лида, ты завидуешь, что ли?

— Нет,нисколько. Знаешь, Эдик, пусть у нас иногда с финансами трудности, пусть мы себе не можем новую машину купить, пусть у нас из-за строительства дома сейчас куча долгов, но зато у нас крепкая семья и, самое главное, мы любим друг друга.

Она хитровато улыбнулась, поднялась со стула, подошла ко мне сзади и обняла.

— Ты же меня любишь, Эдик?

Я отложил вилку, обернулся к ней, взял её правой рукой за шею и, пригнув к себе, поцеловал в губы. Как обычно в такие минуты, когда в жене просыпалась нежность, по моему телу разливалось тепло, от волнения становилось тяжело дышать, и на висках начинала усиленно пульсировать венка. В такие моменты я готов был бросить всё, взять её на руки и унести в спальню. Но было ещё рано; в своей комнате делала уроки дочь, жена заправила в подвальном помещении стиральную машину и собиралась после ужина её включить, меня ждала на улице сенокосилка и Лида, почувствовав моё настроение, сняла руку с шеи и, ласково погладив по голове, нежно прошептала в ухо:

— Подожди до девяти. Дочь ляжет спать, а мы телевизор сегодня включать не будем, пойдём тоже в спальню.

После ужина вышел на улицу. Трава на участке у дома стала густой и высокой и давно созрела для стрижки. Но я каждый вечер откладывал эту работу на потом. Сегодня, приехав с работы, понял, что дальше уже откладывать нельзя. Косилку я вытащил сразу, как загнал машину в гараж. Теперь оставалось только дозаправить её бензином и пройтись по газонам перед домом и сзади с тыльной стороны. Обычно траву стригут всегда по субботам. Редко в каком

населённом пункте в субботу будет тихо. Обязательно кто-нибудь заведёт сенокосилку, и её треск будет далеко слышен на весь посёлок и микрорайон. Как правило, начинают работать не одна сенокосилка, а сразу несколько и тогда о том, чтобы поваляться в постели до десяти или одиннадцати часов можно забыть. Слава Богу, что мало кто догадывается начинать косить свои газоны раньше девяти. В этом деле граждане педантичны до невозможного. Запрет на проведение шумных работ соблюдается строго. До девяти часов никто не начнёт косить траву, рубить дрова, стучать молотками. Днём с 12 до 15 тоже по закону необходимо соблюдать тишину. Если же кто-то по необходимости нарушит это правило, сразу же найдутся бдительные граждане, которые позвонят в полицию, и она тут же явится, чтобы напомнить работающему хозяину о существующих законах.

Я собирался косить траву в прошлую субботу, так как уже тогда газоны выглядели достаточно запущенными, но жена нашла в газете объявление о дешёвой распродаже обуви в городке за двадцать километров от нас. Пришлось ехать. По пути назад заехали в магазин детской одежды. Там тоже проторчали почти час. Когда приехал домой, то уже не было никакого настроения вытаскивать сенокосилку. Казалось бы, ничего не делал — только примерял туфли и ждал, когда жена

подберёт по своей ноге обувь, а устал так, как будто целый день напряжённо работал. Поэтому отложил стрижку травы на понедельник, потом на вторник и вот теперь тянуть уже было некуда.

Управился быстро. За час трава была подстрижена и газоны теперь выглядели ухоженно, как должно быть у аккуратного хозяина. Я убрал сенокосилку и подошёл к зелёному забору, который отделял меня от моего говорливого соседа. Он сидел на террасе и скучал. Моё появление было кстати. Когда я косил, он дважды подходил к забору, но убедившись, что я очень занят, разочарованно уходил по своим делам, если вообще у него эти дела были. Теперь же, увидев меня, он тут же вскочил с плетёного стула и поспешил к забору. В своё время, когда мы сажали маленькие кустики на границе наших участков, договорились по очереди подстригать их. Тогда же условились, что забор не должен быть выше одного метра. Если бы я знал, до какой степени назойлив мой сосед, уже тогда настоял бы на том, чтобы забор был не ниже двух метров.

— Здравствуй сосед, — заговорил он доброжелательно, — Запустил свои газоны, пришлось теперь в рабочий день косить?

— Да вот, в прошлую субботу не получилось. А тянуть дальше уже нельзя было.

— Бывает. А я сегодня опять был в

социаламте. Они мне снова вовремя не выплатили деньги. Пришлось идти к их заведующему.

Сколько я его знаю, сосед нигде не работал. Безработные он давно уже не получал и был переведён на социальную помощь. Борьба за каждый дармовой цент от государства превратилась в главный смысл его жизни. Эта же тема была основной в его разговорах. Все чиновники в его глазах были большими бюрократами и, по меньшей мере, заслуживали увольнения без пенсионного содержания, всюду он видел коррупцию, государство по его словам уничтожалось неумелыми политиками и наводнившими страну иностранцами. Дом, которому уже было больше десяти лет, ему не принадлежал. Хозяйка дома, женщина лет сорока, строила дом со своим мужем, но тот неожиданно прямо на работе умер от инфаркта и через пару лет вдовства она нашла себе друга. Меня удивляет, как могли сойтись два таких разных человека. Соседка была по природе своей молчалива и всегда чем-то занята. У неё оставались долги за дом и она постоянно, кроме своей основной работы, ещё где-то подрабатывала. Дома её можно было увидеть только поздно вечером или в воскресенье. Но и в воскресенье она не отдыхала, а убиралась в доме, что-то варила, собирала на участке старые листья или подметала дорожки. Сосед же находился в вечном отпуске. Он или

целый день проводил на террасе, читая бульварную прессу, или же, остановив на улице кого-нибудь мало-мальски знакомого, часами рассказывал ему о своих проблемах или комментировал политические события. Правда, косил траву и стриг забор он аккуратно и вовремя. Видимо, это было одним из главных условий его безбедного существования на этой территории. Я, как правило, старался реже выходить к тому месту, откуда открывался вид на террасу соседнего дома. Но сегодня мне нужна была его осведомленность о соседях. Я хотел из него выудить то, что он знал о погибшем при странных обстоятельствах соседе и его молодой и красивой жене. Я ещё не знал, возьмусь ли я выполнять заказ молодой вдовы, мало того, я даже не хотел за это дело браться, но инстинкт охотника во мне уже проснулся и точил изнутри, заставляя что-нибудь предпринять.

Я терпеливо выслушал информацию соседа о его посещении социаламта, об устроенном им скандале в кабинете заведующего этой конторой, о последних политических событиях с его комментариями и когда совершенно неожиданно он сделал паузу, вставил безобидную фразу, пытаюсь отвлечь его от политики.

— Вы знали нашего соседа, которого недавно похоронили?

— Не так, чтобы очень. Но личность эта была

довольно таки загадочная. Его же нашли убитым в поселке недалеко от Лаупхейма. Он из своего пистолета застрелился. Я не понимаю, почему такой сравнительно молодой и здоровый человек, причём довольно таки богатый, заканчивает жизнь самоубийством. Конечно, в семейной жизни у него не всё было гладко. Ты знаешь, кем была до замужества его жена?

— Нет. Не имею никакого представления.

— Она же в Ульме в ночном баре работала. Естественно, не только официанткой. Поэтому, наверное, они постоянно ругались. Говорят, что они собирались развестись. По-моему, у него где-то была любовница. Видел, как редко он приезжал домой? Где-то же он ночевал? И вообще, откуда у него такие деньги? Смотри, какой дом построил, какую машину водил.

— Может быть, в лото выиграл? — вставил я.

— Не смейся. Он числился страховым агентом в конторе «Альянса» в Лаупхейме, но, по-моему, занимался ещё каким-то бизнесом. И этот бизнес, я подозреваю, был незаконным. Может быть, он иностранцев нелегально из заграницы перевозил. На этом многие сейчас делают хорошие деньги. Из-за этих иностранцев нам, простым работягам, работу не найти. А сколько забот из-за этих нелегалов у нашей полиции. И всё это за счёт нас, простых граждан. Мы платим налоги, а кто-то на

этом наживается.

Сосед сел на своего любимого конька. Эту тему он мог развивать часами. При этом он совершенно не задумывался, что вредят государству и разваливают экономику страны не иностранцы и не переселенцы, а вот такие пиявки, как он. Я уже знал, что если с ним не распрощаться, то придётся долго слушать этот бред.

— Извини, сосед, но мне надо идти, я ещё душ не принимал, — не дожидаясь паузы в его очередной тираде, сказал я, и пошёл к дому.

— ... а что делают эти румыны? Недавно читал в газете, что они машиной ювелирный магазин протаранили и все ценности увезли. Ищи теперь ветра в поле...

Я завернул за угол, и сосед скрылся из вида, но голос его ещё был слышен. Он органически не переваривал иностранцев, к которым причислял и немцев, переселившихся из стран бывшего социалистического содружества. В разговоре со мной он обычно выливал ушат грязи на переселенцев из Польши, Румынии и бывшей Югославии. Я был уверен, что когда он разговаривает с другим соседом, тоже переселенцем, но из Польши, то он также поливает грязью моих земляков — переселенцев из бывшего Союза. Сначала я пытался с ним спорить, пробовал его переубедить, но сосед был из тех типов,

которые всё негативное о людях впитывают в себя как губка, а позитивное проходит мимо них. Аргументы, которые не вписывались в его концепцию и представления, мой сосед просто-напросто игнорировал. Со временем я перестал с ним спорить и старался избегать его. Если же случайно попадался ему навстречу, то, как можно быстрее обрывал его речи и уходил. Сегодня было исключение. Его осведомленность о соседях была феноменальной, и кое-что я, действительно, от него узнал. Хотя полностью его сведениям доверять нельзя. Но если очистить его разговор об умершем соседе и его жене от домыслов и слухов, то всё-таки мне кое-что пригодится. Только вот нужно ли будет мне это всё — я был не совсем уверен.

Дома жена, успевшая пропустить бельё через стиральную машинку и сушилку, уже ждала меня. Мы поднялись на второй этаж. У дочки свет не горел. Она привыкла в девять ложиться и поэтому утром в школу вставала без проблем. И мы тоже пошли раньше спать.

На работе меня весь день не отпускали мысли о визите соседки. Я снова и снова возвращался к её предложению. Особенно настойчиво крутилась в голове сумма предложенного гонорара за, казалось бы, лёгкую работу. С одной стороны, если полиция закрыла дело из-за отсутствия состава

преступления, то, скорее всего, так оно и есть. Мне останется только ещё раз проверить все документы в архиве полиции. Кое-что можно узнать в бюро страховой фирмы, в которой работал покойник. Всё это, возможно, займёт не больше недели. С другой стороны, если в полиции что-то важное просмотрели, если я обнаружу какие-то несоответствия, то мне придётся копать глубже. Я знал себя. Если начну что-нибудь, то на полпути не брошу. Не столкнусь ли я с чем-нибудь опасным, не наврежу ли я своим частным расследованием себе и своей семье?

В торговом зале в этот день ничего особенного не происходило. К обеду пришлось повнимательней присмотреться к парнишке, который был у нас на заметке. Я стал следить через камеру за ним, и когда он снял с полок два музыкальных диска и спрятал их во внутренний карман не по сезону надетой куртки, спустился в зал и стал ждать его у кассы. Задерживать и оформлять протокол не было никакого желания. Я подошёл к нему, когда он независимой походкой направлялся к выходу в стороне от касс, и слегка постучал по его куртке с той стороны, где по моему предположению были CD.

— Не лучше ли пройти к кассе? — сказал я негромко.

Он испуганно глянул на меня, развернулся и

быстро пошел к полкам, где брал товар. Я подождал, когда он, положив CD на место, вышел из магазина и снова вернулся в свой маленький кабинет к камерам слежения. Больше за целый день ничего из ряда вон выходящего не случилось. Возможно, я что-то просмотрел, так как целиком был погружен в свои мысли, и эти размышления не давали полностью сосредоточиться на работе. В конце концов, измученный сомнениями, после работы завернул в контору. Шеф был на месте и сразу принял меня. Я кратко рассказал ему о предложении моей соседки, не называя сумму, которую она готова мне платить за услуги, и попросил две недели неоплаченного отпуска. Фирма наша обслуживает несколько крупных магазинов готовой одежды. Есть и смешанные магазины, где можно купить всё, от булавки до зимнего пальто, есть магазины, где закупаются только богатые клиенты, есть огромные торговые центры, где под одной крышей работают продуктовые магазины, парфюмерия, магазины электроники, книжные киоски и магазины одежды. Чтобы не приелась публика и не надоело однообразие, шеф иногда перекидывает нас с объекта на объект. Раньше наша фирма занималась и частной детективной практикой, но со временем шефу эта работа показалась слишком накладной. Затраты не оправдывались. Да и часто возникавшие

проблемы с полицией ему были ни к чему. Своих бывших сыщиков он переориентировал на работу в торговых центрах, откуда получал твёрдый доход. Связи же у него остались, и время от времени к нему обращались за помощью бывшие клиенты. В таком случае он предлагал кому-нибудь из нас, имеющих лицензию частного детектива, выполнить ту или иную работу за определённую плату. Левая работа нигде по документам не проходила. Оплата за неё была весомым добавком в семейный бюджет. Если же кто-нибудь сам находил клиента, которому нужны были услуги детектива, то шеф охотно предоставлял неоплаченный отпуск на время выполнения работы. В общем, это был не строгий и педантичный шеф, а человек с пониманием, которого весь персонал фирмы уважал и ценил.

Вот и теперь он со вниманием выслушал меня, дал мне несколько дельных советов и согласился предоставить неоплаченный отпуск. Домой я ехал из Ульма всё ещё сомневаясь, правильное ли решение принял. Дома за ужином сказал Лиде, что возьмусь за дело, которое мне предложила соседка. Жена не одобрила моего решения, но она знала мой характер и воздержалась от лишних комментариев.

После ужина направился к соседке. На мой звонок дверь открылась сразу. Я поздоровался, Елена ответила и пригласила зайти. Мы прошли по широкому коридору в большой зал. Справа в эркере

стоял обеденный стол, несколько стульев и старинный буфет наполненный хрусталём и фаянсом. В самом зале мебели было немного: небольшая стенка, низкий мягкий уголок, кресло у камина, над ним большая картина в рамке под старину, огромный телевизор, навешанный на стену между двумя шкафами. В правом углу зала был выход на террасу, где виднелась садовая мебель и стоял раскрытый трёхметрового диаметра зонт. Мы вышли на террасу, она предложила мне занять место в одном из тартановых кресел, и села сама на простой стул без спинки. На ней были надеты кофейного цвета шорты выше колен и лёгкая малинового цвета блузка, через которую проглядывались очертания круглой наполненной груди. Она была босиком, на тонкие пальцы ног был нанесён красный лак. Пальцы на руках были тоже ухоженными, лак на них был светлый и отблескивал перламутром. Вид у неё уже не был таким подавленным, как вчера, но всё равно чувствовалось, что её что-то угнетает.

— Я принимаю ваше предложение, — сказал я без всякого предисловия, — только с оплатой мы договоримся по-другому.

— Как? — не проявив никаких эмоций, спросила она.

У меня вдруг появилось чувство, что женщина, сидевшая напротив меня, уже не хотела

никаких расследований и смирилась с потерей мужа. Не поторопился ли я с отпуском без содержания?

— Вы не раздумали проводить частное расследование обстоятельств смерти вашего мужа?

— Нет, нет, — торопливо ответила она. — Я действительно хочу знать правду о его смерти, какая бы она ни была. Говорите ваши условия.

Она сказала это решительно, и мои сомнения пропали.

— Видите ли, я нахожу гонорар, предложенный вами за работу, слишком высоким. Договоримся так: вы платите мне 5 тысяч авансом, по завершению работы, независимо от результатов, ещё 5 тысяч и тысячу евро вы должны будете за отпуск без содержания на фирме.

— Я согласна.

Она тут же поднялась со стула и ушла в дом. Через несколько минут вернулась и протянула мне несколько пятисотых купюр.

— Здесь пять тысяч. Вы должны знать, что я готова на любые затраты.

Её настойчивость и готовность заплатить любые деньги за мою работу настораживали. Видимо, она что-то знала, что заставляло её сомневаться в выводах полиции.

— Елена, я хотел бы предупредить, что сейчас договор мы оформлять не будем. Если ваше

предположение вообще не подтвердится, то мы не будем оформлять договор. Оставшуюся часть денег вы мне отдадите также наличными. Устраивает вас такой вариант?

— Мне всё равно. Как скажете.

— Если же в результате моего расследования выяснится, что смерть вашего мужа было не самоубийство, то в таком случае договор нужно будет оформлять, так как с моими фактами обязан буду обратиться в полицию. Тогда вы перечислите на мой счёт от двух до трёх тысяч, которые я вынужден буду провести через финанamt, остальную сумму я получу от вас опять же наличными.

— Я согласна. И давай перейдём на «ты». Не возражаешь?

— Не возражаю. Мне теперь нужен твой номер телефона, и ты мне должна ответить на некоторые вопросы.

Она снова ушла в дом и вернулась, держа в руках глянцевую визитку.

— Это визитка мужа, но на ней есть всё — фирма, где он работал, наш номер телефона... — Она на мгновение задумалась и поправила, — мой номер телефона, номер его бывшего мобильного... Да, он тебе всё равно не нужен. Я тебе напишу номер своего мобильного телефона. На всякий случай, если будет нужно что-нибудь срочно

уточнить.

Она взяла со стола лежавшую тут же ручку и написала на свободном месте визитки ряд цифр. Я положил визитку в нагрудный карман рубахи. Пока она ходила за визиткой, пока записывала номер, я размышлял о том, правильно ли поступаю, взявшись за дело, не оформив договор. Выдаст ли мне полиция документы расследования смерти её мужа, если я не предоставлю подобающим образом оформленный договор и доверенность от своего заказчика. В полиции меня знали ещё с прежних времён, у меня там есть хорошие знакомые, но может так случиться, что и знакомства не помогут.

— Лена, я подумал и решил, что договор всё-таки мы оформим, независимо от того, к каким результатам я начну приходить. Возможно, что мне придётся и договор, и твою доверенность предъявить полиции, для того чтобы получить доступ к документам. Но это не сейчас. Сначала я попробую через знакомых в полиции получить необходимую информацию. Если же этого будет недостаточно, то тогда я приду к тебе с договором и формой доверенности. А сейчас мне нужно кое-что уточнить.

Она пристально, мне показалось даже с некоторой тоской, посмотрела на меня и сказала:

— Спрашивай.

— Где работал твой муж?

— Коля был страховым агентом в филиале «Альянса» в Лаупхейме.

Она впервые за два дня нашего общения назвала его по имени, отметил я про себя. То, что она до этого ни разу в разговорах не упоминала его имя, говорило о многом. Обычно стараются не называть имя того, кто несимпатичен, о ком вспоминать не очень-то приятно, или же о ком хотелось бы как можно быстрее забыть.

— Я обратил внимание, что он очень редко приезжал домой. Неужели он был так сильно занят, что не мог каждый вечер отдыхать дома?

— Он уезжал часто в командировки, клиенты были и на юге и на севере. Помимо страхового агента, он ещё был финансовым консультантом.

— Ладно, пусть так, хотя мне трудно представить, чтобы кто-то, допустим в Бремене, хотел бы заключать финансовую сделку с менеджером из какого-то провинциального городка на юге Германии. Скажите, Лена, ничем другим, к примеру, нелегальным бизнесом он не занимался?

Женщина отвела глаза и несколько секунд молчала. Потом не глядя на меня ответила:

— Возможно, он ещё чем-то и занимался, но я не знаю. Он мне не говорил.

— И не догадывалась?

— И не догадывалась, — ответила она решительно, но с каким-то раздражением.